

УДК 94(470.323)“1946/1950”

О. Н. Аргунов**Организационно-хозяйственное укрепление колхозов Курской области после окончания Великой Отечественной войны**

В настоящей работе автором предпринимается попытка осветить реализацию на практике постановления ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР от 19 сентября 1946 г. № 2157 «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах», оказавшего значительное влияние на ход восстановления и развития аграрной отрасли народного хозяйства Курской области в послевоенные годы. На большом массиве архивных источников, многие из которых вводятся в научный оборот впервые, показано, как партийно-государственные структуры пытались бороться с наиболее распространенными нарушениями Устава сельскохозяйственной артели (захват общественных земель, разбазаривание колхозного имущества, неправильное расходование трудодней, нарушение демократических основ управления колхозами) и каких результатов они достигли за годы четвертой пятилетки.

Ключевые слова: Устав сельскохозяйственной артели, ликвидация нарушений, Курская область, восстановление и развитие сельского хозяйства.

Обращаясь к проблеме восстановления и развития сельского хозяйства Курской области в послевоенный период, нельзя не отметить ряд ключевых особенностей этого важнейшего в истории региона и нашей страны процесса. Во-первых, это масштаб ущерба, который понесла аграрная отрасль народного хозяйства Курской области за месяцы оккупации: сумма исчисляется в 10 779 157 000 руб. [18, л. 14]. Однако здесь не учитывается ущерб, который был нанесен личным хозяйствам колхозников, которые пострадали от боевых действий и оккупации не меньше: в докладе «Об итогах ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками народному хозяйству и гражданам Курской области», опубликованном по итогам деятельности Курской областной комиссии по учету материального ущерба и установлению злодеяний и зверств, причиненных немецко-фашистскими захватчиками народному хозяйству и гражданам области, значится сумма в 14 888 979 300 руб. [17, л. 10], значительная часть которой приходится именно на хозяйства колхозников. Фактически вся материальная база сельскохозяйственного производства Курской области была уничтожена.

Во-вторых, восстановление аграрной отрасли народного хозяйства области проходило за счет экстенсивных методов ведения хозяйства и на основе привлечения преимущественно местных ресурсов; внешних капиталовложений в сельское хозяйство региона в годы войны практически не было. Это привело к тому, что выращиваемых урожаев культур, а также доходов от животноводства хватало лишь на расчеты по обязательным поставкам государству, на вложения в материально-техническую базу колхозного производства и на расчеты с МТС за проведенные работы. На оплату труда колхозников оставшегося в распоряжении руководства сельскохозяйственных артелей урожая зачастую не хватало. Об этом свидетельствует ежегодное уменьшение средней выдачи зерна на один трудодень по колхозам Курской области: в 1943 г. в среднем было выдано 0,85 кг зерна [3, л. 118], в 1944 г. — 0,47 кг [31, л. 72], в 1945 г. — 0,31 кг [1, л. 25]. Столь низкая оплата труда в колхозах приводила к тому, что в некоторых сельских советах значительная часть населения недоедала: к примеру, в колхозах Фетижского сельсовета Льговского района в 1944 г. было убрано 231,0 га посевов, при этом валовой сбор составил 1567,0 ц; после расчета по обязательным поставкам и засыпки семян колхозникам вы-

© Аргунов О. Н., 2017

дали лишь по 80 г зерна на один трудодень. Похожая обстановка была и в Банищанском сельсовете того же района [8, л. 55—56].

Итогом подобного отношения к труду колхозников стало то, что в 1945 г. во многих колхозах завершение сельскохозяйственных работ было пущено на самотек: план озимого сева в целом был выполнен на 76,0%, зяби было поднято только 8,0% от плана и др. [11, л. 276]. Что касается уборки урожая 1945 г., то здесь дела обстояли еще хуже: темпы уборки были настолько медленными, что на 10 августа 1945 г. в колхозах Новооскольского района было убрано на 8620,0 га меньше, чем на эту же дату в 1944 г., в Томаровском районе — на 8400,0 га, в Касторенском — на 9090,0 га, в Медвенском — на 11 490,0 га, а в Щигровском — на 12 740,0 га. Понятно, что зерно переставало и осыпалось на корню, принося значительные убытки колхозам и колхозникам: в сельскохозяйственной артели «Светлый путь» Ракитянского района потери ржи достигали до 1,5 ц на один гектар, похожая картина была и в колхозе имени Молотова Чернянского района [5, л. 396]. Это привело к срыву заготовительной кампании в области, за что было привлечено к уголовной ответственности 11 человек [6, л. 490 об.].

Как мы отмечали выше, подобное состояние дел в сельском хозяйстве Курской области было вызвано в первую очередь слабой материальной заинтересованностью колхозников в результатах своего труда. Это вело к тому, что значительная часть сельского населения, состоящего в колхозах, предпочитала работать на собственных приусадебных участках, нежели на колхозных полях. Следствием этого, в свою очередь, было значительное увеличение площадей приусадебных участков за счет уменьшения обрабатываемой колхозной пашни. Наибольший ущерб в этом отношении понесли сельскохозяйственные артели Солнцевского района: в некоторых колхозах («Парижская коммуна», «Красная Малиновка», «Путь к социализму» и др.) председатели самовольно раздавали колхозникам земли: в колхозе «Путь к социализму» колхозники Чуйкова Анастасия Григорьевна, Земзюлин Тимофей Кузьмич, Бурцева Александра Даниловна получили в дополнительное пользование соответственно 0,18 га, 0,22 га, 0,05 га. Значительная часть земли этого колхоза также была роздана людям, не имеющим никакого отношения к колхозу: служащим райцентра, рабочим транспорта и др. [7, л. 210 об.].

Однако не только незаинтересованность колхозников была причиной плохого состояния дел в сельском хозяйстве Курской области: большую роль играли бесхозяйственное отношение к колхозному производству со стороны руководителей разного уровня, разбазаривание социалистической собственности, произвол на местах и многое другое. И тому есть ряд подтверждений.

К примеру, председатель колхоза «Красная Нива» Богатыревского сельсовета Горшеченского района К. Ф. Харламов в 1945 г. практически целенаправленно «занимался разложением» вверенного ему колхоза: обязательные поставки государству были выполнены только на 7,5% (из запланированных 922,0 ц было сдано только 73,0 ц). Вследствие плохой охраны урожая украдено 30 копен скошенного хлеба, скотом колхозников потравлено 2,5 га гречихи, сорван осенний сев: из плана 220,0 га посеяно только 73,0 га. Харламов лично давал указания некоторым колхозникам (например, конюху Пыхтину) воровать с полей убранное зерно. За подобные действия Харламова привлекли к уголовной ответственности [6, л. 491 об.].

Похожая ситуация сложилась и в колхозе «Победа» Знаменского сельсовета Медвенского района, где председателем был Ф. И. Малышев, который, напиваясь, систематически «привлекал колхозников к разным видам наказания». Всего им было «наказано» 276 чел., часть из которых привлекалась несколько раз. Это привело к тому, что трудовая дисциплина в сельскохозяйственной артели была полностью разложена: из 125 трудоспо-

собных колхозников в среднем на работу выходило 68 чел.; в итоге 83 чел. не выработали установленного минимума трудодней. За эти действия Малышев был также привлечен к уголовной ответственности [6, л. 491 об. — 492].

Однако подобные случаи далеко не единичны: председатель колхоза «Красный хлебороб» Ледовского сельсовета Советского района С. И. Напастников вместе с кладовщиком того же колхоза, будучи в нетрезвом виде, избили колхозника Я. И. Михалева, у которого два сына и дочь были участниками Великой Отечественной войны. За это Напастников был приговорен к 10 годам лишения свободы. Еще более вопиющий случай произошел в сентябре 1944 г. в колхозе имени Димитрова Горяиновского сельсовета того же района, когда председатель сельхозартели Пашков, будучи пьяным, пытался изнасиловать жену фронтовика А. И. Булгакову, а также устроил дебош и разбил окна в доме, а затем напал ночью на колхозника Н. И. Камынина, избил его и отобрал у него лошадь и хлеб. Пашков также был привлечен судом к ответственности. А председатель Переволоченского сельсовета того же района Лебедев незаконно арестовал Д. М. Носова и направился с ним в райпрокуратуру. На станции Кшень он заставил Носова спрыгнуть с идущего состава, в результате чего тот попал под поезд [7, л. 151—151 об.].

Ситуацию, сложившуюся в постоккупационный период в курской деревне, в значительной степени усугубила засуха 1946 г., которая привела к гибели сельскохозяйственных культур на больших площадях (в общей сложности погибло 183 129,23 га [13, л. 39] из посеянных 1 444 500,0 га [4, л. 98] озимых и яровых культур под урожай 1946 г., или 12,7%), а уцелевшие посевы дали очень низкий урожай: средняя урожайность зерновых составила 2,7 ц с га [33, л. 14]. Уже в июне 1946 г. многим колхозникам стало понятно, что сложившаяся ситуация ведет к голоду: часть селян перестали выходить на общественные работы, уделяя больше внимания личным приусадебным участкам, а многие устремились в город, где массово скупали имевшийся коммерческий хлеб по завышенным ценам у спекулянтов или же «из-под полы» в государственных магазинах и столовых, о чем свидетельствует спецсообщение областного прокурора от 1 июля 1946 г. [9, л. 202—202 об.]. На фоне надвигающегося голода в колхозах значительно выросло число краж хлеба и других продуктов питания: только за май — июнь 1946 г. было расхищено более 50,6 т хлеба [9, л. 234], а к концу года положение только усугубилось.

Не изменила ситуации и выданная Курской области «Сталинская помощь» в размере 63,0 тыс. т ржи, которая отодвинула пик голода на несколько месяцев [31, л. 24]. Ситуация была катастрофической: материально обеспечить свои трудодни смогли только 967 колхозов из 4942 [2, л. 25 об.], или 19,5%, при этом в среднем на человека выдавалось не более 16 кг зерна [32, л. 28].

Стоит отметить, что подобное положение дел было не только в колхозах Курской области, о чем свидетельствует ряд публикаций по данной проблеме, выполненных на материалах других регионов бывшего СССР [38, с. 45; 39, с. 272; 34, с. 37; 35, с. 16]. Поэтому, стремясь навести порядок в деревне, а также ускорить темпы восстановления сельскохозяйственной отрасли народного хозяйства, которые значительно замедлились в связи с засухой 1946 г., правительство СССР и ЦК ВКП(б) издали совместное постановление от 19 сентября 1946 г. № 2157 «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах» [36, с. 336—341].

В документе фиксировались наиболее распространенные нарушения Устава сельскохозяйственной артели, выразившиеся «в неправильном расходовании трудодней, расхищении общественных земель колхозов, в растаскивании колхозной собственности, злоупотреблениях со стороны районных и других партийно-советских работников, нарушении демократических основ управления делами сельскохозяйственной артели —

выборности правлений и председателей колхозов, их подотчетности перед собраниями колхозников» [36, с. 336]. Ликвидация этих нарушений, по мнению авторов документа, позволила бы в короткие сроки решить все вышеуказанные проблемы и восстановить пострадавшее за годы войны сельское хозяйство страны. Однако механизмы ликвидации подобных нарушений и проблем были в духе коллективизации 1930-х гг. и носили практически полностью командно-административный характер. По нашему мнению, во-первых, это обусловлено тем, что подобные методы администрирования дали быстрый положительный эффект в деле перевода экономики на военные рельсы в начале 1940-х гг. Во-вторых, сталинская модель управления народным хозяйством не предполагала наличия относительной экономической свободы и возможности альтернативы, так как экономические интересы полностью подчинялись политической реальности того периода. Руководство Советского Союза четко осознавало возможность нового военного конфликта с ведущими капиталистическими державами мира, поэтому продолжало осуществлять значительные вливания средств в военную промышленность и смежные с ней отрасли, а практически единственным неисчерпаемым источником денежных доходов казны оставалось сельское хозяйство. Именно этот фактор, по мнению автора, и обусловил новый виток «закручивания гаек» в колхозах, который и предполагало исполнение постановления ЦК ВКП(б) и Совмина СССР от 19 сентября 1946 г.

Вместе с тем нельзя не отметить и достаточной объективности в понимании проблем, имевшихся в сельском хозяйстве, со стороны партийно-государственного руководства страны, что говорит о хорошей осведомленности верховной власти. Поэтому, если посмотреть на ситуацию в сельском хозяйстве СССР и Курской области в частности, нельзя не отметить вполне здравых решений, которые предполагались в постановлении. Обратимся к фактам.

Говоря о политике неправильного расходования трудодней в колхозах Курской области, следует отметить, что это было достаточно большой проблемой для местных колхозов. Решение исполнительного комитета Курского областного Совета депутатов трудящихся от 18 июля 1946 г. № 830 «О состоянии нормирования и учета труда в колхозах области» наиболее полно раскрывает масштабы проблемы.

В первую очередь отмечалось, что при начислении трудодней колхозникам в большинстве колхозов области пользовались примерными нормами выработки и оплаты труда, а само начисление зачастую производилось «на глазок». Так, в ряде сельскохозяйственных артелей работы, выполняемые в зимнее время, оплачивались наравне с работами на уборке урожая, а иногда и больше. В колхозах «III Интернационал», «Оборона страны» Тербунского района колхозникам, работавшим на снегозадержании, начисляли от 9 до 15 трудодней за рабочий день. В ряде сельхозартелей Прохоровского, Сажновского, Обоянского и других районов трудоднями рассчитывались за сдаваемые удобрения, в ряде случаев начисляя по 40—70 трудодней. Зачастую трудодни начислялись за работы, не связанные с колхозным производством: так, в колхозе «Пламя революции» Тербунского района колхозникам, дежурившим на пожарной вышке в райцентре, с 1945 г. по 1 мая 1946 г. было начислено 1183 трудодня, а сборщику яиц, помимо официальной зарплаты, начислили дополнительно 205 трудодней. За доставку почты в колхозе имени Ворошилова Спасского сельсовета Медвенского района почтальону начислили 225 трудодней. Также трудоднями оплачивали подвоз товаров в сельпо в колхозе «Путь к социализму» Стрелецкого района и т.д. [12, л. 23—23 об.]. Однако в данном решении не указывалось, что значительная часть трудодней расходовалась не по назначению на содержание административного аппарата колхозов и оплату работ, выполненных в колхозах работниками и машинами МТС.

Так, только за 1947 г. на содержание излишнего персонала административного аппарата и МТС было потрачено более 500,0 тыс. трудодней [14, л. 21]. К примеру, в колхозах имени Молотова, имени Буденного и «Красный Октябрь» Валуйского района на административно-управленческий персонал расходовалось 11,0—12,0% всех трудодней. А в сельскохозяйственных артелях «Великое начало» и «Красный партизан» подобные расходы составили 19,5 и 19,7% соответственно, что значительно превышало планируемые затраты [20, л. 126]. Похожая ситуация была и в колхозе имени Кирова того же района, где из 193 трудоспособных колхозников 38 работали на штатных должностях, не связанных с непосредственными колхозными работами [19, л. 6].

В некоторых колхозах по целому ряду должностей трудодни начислялись только за то, что такая штатная единица имелась, независимо от того, участвовал человек в общественных работах или нет. В колхозе «Большевик» Большенизовского сельсовета Рыльского района при наличии собственного агронома за счет трудодней колхоза содержался освобожденный полевод Г. А. Григорьев, которому начисляли по два трудодня ежедневно, а за год начислили 736 трудодней [22, л. 129].

При этом далеко не во всех колхозах материальное обеспечение трудодня для рядовых колхозников и для управленческого персонала было одинаковым. В колхозе «Красный Октябрь» Локотского сельсовета Крупецкого района при выдаче аванса за первую половину 1947 г. было именно так: члену правления Илье Даниловичу Чемодурову, выработавшему 275 трудодней, было выдано 870 руб., или по 3 руб. 17 коп. за каждый трудодень, а рядовой колхознице Анастасии Воропаевой, имевшей 107 трудодней, всего-навсего 4 руб., или по 4 коп. на один трудодень [21, л. 48 об.].

Однако борьба за сокращение расходов на содержание административно-управленческого и обслуживающего персонала была крайне трудной и продвигалась медленно. Этому способствовало и то, что зачастую районные власти закрывали глаза на подобного рода нарушения. В 1949 г. в колхозе имени Ворошилова Волоконовского района с ведома райисполкома на оплату труда 43 человек управленческого персонала было потрачено в несколько раз больше трудодней, нежели планировалось, — 8410 вместо 3610 [16, л. 146; 27, л. 234].

Однако работа по упорядочению расходования трудодней в колхозах велась довольно активно: только за девять месяцев 1947 г. из имевшихся в сельхозартелях области 13 053 заместителей председателей колхозов, учетчиков, полеводов, животноводов, бригадиров, уборщиц, сторожей, курьеров и прочих под сокращение попали 7130 человек, при этом на их содержании было сэкономлено 844,0 тыс. трудодней. С обеспечения было снято также 8021 из 8925 пожарников, письмоносцев, сборщиков яиц и молока, сельских исполнителей, санитарных уполномоченных; при этом сэкономили еще 481 141 трудодень, а также было снято 795 610 незаконно начисленных трудодней [28, л. 1—2].

Несмотря на упомянутые трудности, подобным образом велась работа и в 1948—1949 гг.: расходы на административный и обслуживающий персонал были значительно сокращены. За весь 1948 г. на это было потрачено 624 260 трудодней вместо 969 607 запланированных, а на 1 августа 1949 г. на 35 855 чел. административного и обслуживающего персонала колхозов приходилось только 285 893 выработанных трудодня, или же по 8 трудодней в среднем на одного человека за 8 месяцев работы [27, л. 234]. Такое значительное сокращение расходов объясняется отчасти тем, что согласно приказу Министерства сельского хозяйства СССР от 8 сентября 1948 г. № 1425 на содержание административно-обслуживающего персонала колхозов нельзя было расходовать более 3,0% от всех затраченных трудодней [29, л. 16]. Однако в среднем по Курской области

данный показатель составил 6,6% (в Рыльском районе расходовали 3,6%, в то время как в Суджанском — 8,0%) [29, л. 17].

Между тем из-за подобных сокращений расходов на содержание административно-обслуживающего персонала Курская область испытывала недостаток в данной категории работников: по 20 районам региона он составлял 1000 чел. (было 5212 чел. вместо необходимых 6212), притом что в целом по области из-за укрупнения колхозов в течение первой половины 1950 г. сократили 15 480 чел. административно-управленческого и обслуживающего персонала [29, л. 17—18].

Таким образом, решение проблемы сокращения неправильно расходуемых трудовых и административно-обслуживающего персонала имело положительный эффект в начале и середине пятилетки, но к ее концу приобрело типичный для сталинского времени характер «перегибов», когда в погоне за плановыми цифрами упускалась цель всей этой работы — более экономное и грамотное администрирование.

Не менее важной проблемой являлось расхищение колхозных земель, которое в те годы приобрело массовый характер. Следует отметить, что за ее решение партийно-государственное руководство области взялось достаточно серьезно начиная с первых дней после опубликования известного постановления. Это говорит об особой остроте данной проблемы в курской колхозной среде послевоенного времени.

Об этом свидетельствуют следующие факты: только за первые десять месяцев после издания постановления были проверены все 4946 колхозов, имевшихся на тот момент в области, все 561 365 хозяйств, зарегистрированных в похозяйственных книгах, у которых было обнаружено 10 706,14 га излишков. Из них 9502,46 га приходилось на хозяйства колхозников (излишки земли были обнаружены в 138 423 хозяйствах), 936,88 га на 12 091 хозяйство рабочих и служащих и 266,8 га на 4013 хозяйств единоличников [28, л. 8]. 3229,0 га, захваченных различными подсобными хозяйствами, возвратили сельхозартелям, а также колхозам были возвращены 18 632,0 га, находящихся во временном пользовании. Итого удалось вернуть в пользование сельскохозяйственным артелям 32 567,14 га колхозных земель [28, л. 8].

Несмотря на достаточно строгие меры по предотвращению разбазаривания колхозных земель, периодические проверки, которые устраивали в колхозах областные и районные земельные органы, сельскохозяйственные управления различного уровня, партийные органы и органы исполнительной власти, а также аппарат Представителя по делам колхозов при Правительстве СССР по Курской области, выявлялись новые захваты земель. Нередко колхозное и районное руководство различного уровня само наделяло людей излишками земель. Характерны случаи, выявленные после очередной проверки в 1948 г. в Корневском районе: было установлено, что кладовщик колхоза «1-е Мая» Троицкого сельсовета Мороз имел приусадебный участок площадью 0,51 га, а за его женой, с которой они проживали в одном хозяйстве, с 1945 г. числился еще один участок в 0,49 га. Своим личным решением председатель колхоза «Завет Ильича» наделил дополнительно учетчицу тракторного отряда участком в 0,51 га, в то время как она уже имела по месту жительства участок в 0,25 га. В самом поселке Корнево ряд семей рабочих и служащих пользовались одновременно двумя-тремя приусадебными участками. К примеру, конюх районного прокурора Нагорных имел приусадебный участок в колхозе площадью 0,35 га, в то время как в самом поселке у него уже был свой в 0,29 га [15, л. 38].

В некоторых районах, к примеру в Беловском, площадь захваченных земель не только не уменьшалась, но даже увеличивалась со временем. В ряде колхозов этого района расхищение общественных земель приняло массовый характер: если в 1948 г. 953 двора колхозников имели лишние 65,67 га, то уже в 1949 г. количество самозахватчиков уве-

личилось до 1571, которые присвоили 70,0 га колхозных земель. Например, в колхозе «Новая жизнь» в 1947 г. было четыре двора, хозяева которых захватили 0,19 га колхозной земли, в 1948 г. уже 28 дворов имели излишки в 2,6 га, а уже в 1949 г. самовольный захват общественных земель произвели 144 хозяйства, присвоив 9,42 га [30, л. 15].

Стоит отметить, что к концу четвертой пятилетки проблема не только не была решена, но и стала приобретать все более острый характер, причем все чаще захватчиками стали выступать сами колхозники: в 1950 г. проверка 20 районов области выявила, что из 210,24 га захваченных земель колхозниками было присвоено 176,87 га, рабочими и служащими — 19,99 га, единоличниками — 0,23 га, а учреждениями и организациями — 13,15 га. При этом стала заметной тенденция к образованию мнимых дворов, когда одна семья колхозников якобы разделялась на две, при этом им полагались два надела, но они продолжали жить под одной крышей. На 1 января 1950 г. в 20 проверяемых районах было выявлено 149 таких мнимых дворов, которые пользовались 34,79 га земли. Все они были ликвидированы [29, л. 19].

Не помогли в борьбе с захватчиками общественных земель и достаточно суровые меры наказания: по 20 проверенным в 1950 г. районам 42 человека было привлечено к уголовной ответственности и 31 — к административной [29, л. 19].

По нашему мнению, неудачи в борьбе с захватчиками колхозной земли объясняются следующими причинами. Во-первых, тяжелая продовольственная ситуация в курской деревне в конце 1940-х гг. (данный вопрос требует дополнительного освещения), которую не могли изменить местные органы власти и колхозы, поэтому сельяне стремились таким образом обеспечить себя дополнительными продуктами питания. Во-вторых, налоговая политика в деревне: за период с 1947 по 1950 г. рост налоговых выплат с хозяйства вырос в 2,5 раза — с 217 до 559 руб. [37, с. 19]. А незаконно захваченные земли налогами не облагались, что позволяло оставить весь урожай себе. В-третьих, попустительское, а иногда и бесхозяйственное отношение к общественному землепользованию колхозных, партийных и советских руководителей, которые зачастую не только закрывали глаза на подобного рода нарушения, но и сами участвовали в присвоении колхозных земель.

Одной из ключевых проблем послевоенной курской деревни было растаскивание колхозного движимого и недвижимого имущества: зернопродуктов, продуктов питания, скота, сельхозинвентаря, общественных построек и пр. С одной стороны, это было вызвано тяжелым материальным положением населения в курской послевоенной деревне, а с другой — бесхозяйственным отношением к колхозной собственности. В целом же этот процесс довольно сильно тормозил увеличение производственных сил курских колхозов. О масштабах расхищений свидетельствуют следующие факты.

За год проверок, с сентября 1946 по сентябрь 1947 г., было выявлено, что из колхозов по разным незаконным причинам забрали 367 лошадей, 232 головы крупного рогатого скота, 86 овец, 283 свиньи, 125 пчелосемей. Большую часть удалось вернуть в колхозы, а за оставшихся животных была внесена денежная компенсация в размере 191 400 руб. Аналогично обстояли дела и с возвратом построек и движимого имущества, а также с незаконно взятыми продуктами: было захвачено 656 жилых домов, 1059 сараев и амбаров, 210 повозок, 3291,0 ц зерна, 4851,0 кг мяса, 806,0 ц картофеля и др. И если постройки и сельхозинвентарь удалось вернуть почти в полном объеме, то за продукты чаще всего выплачивали денежные компенсации. Всего было выплачено сельскохозяйственным артелям более 1 млн. 100 тыс. руб. [28, л. 9—10].

Стоит отметить, что колхозные постройки массово захватывались еще в период оккупации и за время, прошедшее после освобождения Курской области, многие колхозники стали считать захваченные строения своими собственными и не спешили их возвращать.

К примеру, в колхозе «Красная Нива» Дмитриевского района за период немецкой оккупации селянами были захвачены и перевезены на свои усадьбы 8 колхозных амбаров. Некоторые хозяева, такие как В. И. Яковлев, К. А. Борзыкин, переделали их под жилые постройки и стали жить в них. Некоторые колхозники занимали дома, принадлежавшие им или их родственникам до начала сплошной коллективизации 1930-х гг., как это сделал К. А. Пахомов, занявший дом своего отца, изъятый в 1930 г. Все эти постройки колхоз не мог изъять вплоть до 1948 г. [24, л. 1].

Однако в изученных нами источниках есть сведения, что колхозы пытались помочь колхозникам, рассчитываясь за них по обязательным поставкам перед государством. Такие случаи были массовыми в колхозах Грайворонского и Фатежского районов. В Грайворонском районе колхоз «День урожая» Добросельского сельсовета сдал за колхозников 16,64 ц хлеба и 2,55 ц мяса, колхоз «Заря» Замостинского сельсовета — 7,92 ц хлеба, колхоз имени Сталина Дунайского сельсовета — 77,63 ц хлеба и 1,0 ц мяса и др. [25, л. 3]. Похожим образом поступил председатель сельхозартели «Путь к социализму» Фатежского района М. И. Глазунов, сдав быка чистым весом 167 кг в счет мясопоставок колхозников [26, л. 2].

Но в то же время в ряде случаев как районные власти, так и председатели колхозов растаскивали и разбазаривали колхозное имущество по своему усмотрению. Так, заместитель председателя Томаровского райисполкома Трофименко в 1946 г. взял в колхозе «Красная поляна» поросенка, не уплатив за него денег. Только в результате проверки, организованной в ходе рассмотрения жалобы, поступившей в Президиум Верховного Совета РСФСР, был вскрыт данный факт, и Трофименко заставили заплатить 580 руб. за поросенка [10, л. 113]. И подобные факты были не единичными на всем протяжении исследуемого периода.

К концу четвертой пятилетки ситуация достаточно сильно изменилась: практически все колхозные постройки и животные были возвращены и количество хищений заметно уменьшилось (к концу 1950 г. числились не возвращенными колхозам только 49 голов скота), но положение с разбазариванием продуктов питания оставалось достаточно тяжелым: к концу 1950 г. в колхозах было похищено более 24,3 т зернопродуктов, 796 кг мяса, 937 кг печеного хлеба и других продуктов (данные по 20 районам) [29, л. 21], что говорит о неудовлетворительном положении с продуктами питания в курской деревне в конце 1940-х гг. Но как и в случае с присвоением колхозных земель, людей не останавливали суровые наказания: только в 1950 г. по двадцати районам области к уголовной ответственности привлекли 81 чел., а к административно-партийной — 47 нарушителей [29, л. 23].

Немало проблем существовало и с соблюдением демократических основ управления делами сельскохозяйственных артелей: очень часто решения на общих собраниях колхозников принимались без необходимого кворума, отсутствовала выборность председателей и под. О массовости этих явлений говорят следующие факты: за год (с сентября 1946 по сентябрь 1947 г.) было выявлено 59 председателей колхозов, которые не были избраны общими собраниями колхозников, 154 чел. неизбранных членов правлений и ревизионных комиссий, 471 председатель не член данного колхоза и 814 ревизионных комиссий, не утвержденных райисполкомами [28, л. 3].

Многие председатели колхозов, нарушая права колхозников, самолично распоряжались имуществом сельскохозяйственных артелей, рассматривали и решали важнейшие хозяйственные вопросы самостоятельно, без участия колхозников. Во многом такое поведение объяснялось тем, что подобных председателей поддерживали районные советские и партийные власти, которые зачастую навязывали колхозам тех или иных людей.

Особенно остро данная проблема стояла в колхозах Глушковского района. Так, в колхозе имени Рокоссовского представитель райкома ВКП(б) и райисполкома Кожин настаивал на избрании новым председателем колхоза С. Д. Исаева, против которого проголосовали колхозники, однако вопреки решению собрания Исаев стал работать председателем. Подобные случаи в Глушковском районе были массовыми [23, л. 18].

Похожая обстановка наблюдалась и в других районах области. В колхозе «Красный броневик» Касторенского района на состоявшемся 6 февраля 1949 г. отчетно-выборном собрании колхозников председателем колхоза выбрали животновода А. Т. Морозова, на кандидатуре которого настаивал секретарь райкома ВКП(б) Меркушенко, присутствовавший на собрании. В колхозе «15-й год Октября» Медвенского района на отчетно-выборном собрании, состоявшемся в январе 1949 г., колхозники потребовали освободить от работы председателя колхоза Воробьева, как не оправдавшего доверия. Однако присутствовавший на собрании представитель от райкома ВКП(б) и райисполкома Батлук заявил колхозникам о том, что по решению районных партийных и советских организаций Воробьев должен остаться председателем колхоза. Несмотря на протесты колхозников, собрание было закрыто, а Воробьев остался работать председателем [28, л. 228—228 об.].

Ситуацию, сложившуюся в практике организации управления курскими колхозами в послевоенный период, не изменила ни реализация постановления ЦК ВКП(б) и Совмина СССР от 19 сентября 1946 г., ни укрупнение колхозов, прошедшее в области в середине 1950 г. Однако в новой сети колхозов усилилась борьба с нарушениями демократических основ управления: только за несколько месяцев с момента укрупнения колхозов на общих собраниях колхозников, прошедших без очевидных нарушений, было снято 334 председателя колхозов, 406 председателей ревизионных комиссий, 191 счетовод [29, л. 25], что говорит о возросшей потребности в организационном укреплении сельхозартелей Курской области.

Резюмируя вышеизложенное, мы можем сделать следующие выводы о характере реализации постановления ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР от 19 сентября 1946 г. № 2157 «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах».

Во-первых, цели, которые ставились перед местными партийными, советскими и колхозными руководителями, не были достигнуты в полной мере; даже в конце четвертой пятилетки оставался ряд нерешенных задач: по-прежнему достаточно острыми были проблемы захвата колхозных земель и расхищения колхозного имущества, сложно обстояли дела с реализацией колхозной демократии и т.д.

Во-вторых, командно-административные методы, применявшиеся для ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели, показали свою неэффективность, а в некоторых случаях даже вредоносность.

В-третьих, приведенные факты показывают, что сельскохозяйственная отрасль народного хозяйства Курской области уже к концу 1940-х гг. нуждалась в срочном реформировании, так как не могла в должной мере обеспечить не только потребности государства в продовольствии и сельскохозяйственном сырье (обязательные поставки колхозов государству за годы четвертой пятилетки были выполнены в полном объеме только в 1947 г.), но и продуктами питания самих колхозников.

В колхозах Курской области постановления продолжали применять в ходе борьбы с вышеуказанными проблемами и в ходе пятой пятилетки. Однако с началом претворения в жизнь сельскохозяйственных реформ Г. М. Маленкова и Н. С. Хрущева в середине 1950-х гг. оно потеряло свою актуальность.

Список использованных источников и литературы

1. Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р-3168. Оп. 5. Д. 154.
2. ГАКО. Ф. Р-3168. Оп. 5. Д. 155.
3. ГАКО. Ф. Р-3272. Оп. 2. Д. 24.
4. ГАКО. Ф. Р-3272. Оп. 2. Д. 112.
5. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 10. Д. 66.
6. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 10. Д. 71.
7. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 10. Д. 72.
8. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 10. Д. 75.
9. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 10. Д. 94.
10. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 10. Д. 110.
11. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 26. Д. 60.
12. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 30. Д. 35.
13. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 30. Д. 77.
14. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 30. Д. 252.
15. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 30. Д. 280.
16. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 30. Д. 417.
17. ГАКО. Ф. Р-3605. Оп. 1. Д. 4.
18. ГАКО. Ф. Р-3605. Оп. 1. Д. 36.
19. ГАКО. Ф. Р-4821. Оп. 1. Д. 3.
20. ГАКО. Ф. Р-4821. Оп. 1. Д. 6.
21. ГАКО. Ф. Р-4821. Оп. 1. Д. 8.
22. ГАКО. Ф. Р-4821. Оп. 1. Д. 17.
23. ГАКО. Ф. Р-4821. Оп. 1. Д. 18.
24. ГАКО. Ф. Р-4821. Оп. 1. Д. 26.
25. ГАКО. Ф. Р-4821. Оп. 1. Д. 33.
26. ГАКО. Ф. Р-4821. Оп. 1. Д. 34.
27. ГАКО. Ф. Р-4821. Оп. 1. Д. 64.
28. ГАКО. Ф. Р-4821. Оп. 1. Д. 72.
29. ГАКО. Ф. Р-4821. Оп. 1. Д. 74.
30. ГАКО. Ф. Р-4821. Оп. 1. Д. 80.
31. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (ГАОПИКО). Ф. П-1. Оп. 2. Д. 268.
32. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 423.
33. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 579.
34. Надькин Т. Д. Аграрная политика Советского государства и крестьянство в конце 1920-х — начале 1950-х гг.: по материалам Мордовии : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саранск, 2007. 46 с.
35. Подрезова Т. А. Развитие сельского хозяйства и промышленности Ставропольского края в первые послевоенные годы: 1945—1953 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2010. 25 с.
36. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : в 5 т. 1917—1967 гг. : сб. документов за 50 лет. Т. 3. М. : Политиздат, 1968. 751 с.
37. Торубаров Ю. С. Налогообложение населения советской деревни в 1945—1953 гг. (на материалах Курской области) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2012. 25 с.
38. Хисамутдинова Р. Р. Аграрная политика Советского государства и ее осуществление на Урале: 1940 — март 1953 г. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Оренбург, 2004. 58 с.
39. Хисамутдинова Р. Р. Аграрная политика Советского государства на Урале после окончания Великой Отечественной войны (июнь 1945 — март 1953 г.). Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2003. 608 с.

Поступила в редакцию 01.03.2017

Аргунов Олег Николаевич, аспирант
 Курский государственный университет
 Российская Федерация, 305004, г. Курск, ул. Радищева, 33
 E-mail: argunovoleg-poet@mail.ru

UDC 94(470.323) "1946/1950"

O. N. Argunov**Organizational and economic strengthening of collective farms in the Kursk region after the end of the Great Patriotic War**

The article dwells on practical implementation of the resolution of Central Committee of All-Union Communist Party(b) and of the Council of Ministers of the USSR of September 19, 1946 № 2157 "On measures of rectifying the violations of the Charter of agricultural artel in collective farms", having exerted a considerable influence on the renewal and development of agrarian industry in the Kursk area in post-war years. Using a large array of archival sources, many of which have been introduced for scientific use for the first time, the author shows how the party-state structures tried to rectify the most widespread violations of the Charter of agricultural artel (seizing public land, siphoning off collective farm property, abusive spending of labor days, violating the democratic bases of managing the collective farms), and the results which they attained for years of Fourth five-year plan.

Key words: The Charter of agricultural artel, rectifying the violations, Kursk area, renewal and development of agriculture.

Argunov Oleg Nikolaevich, Postgraduate student
Kursk State University
Russian Federation, 305004, Kursk, ul. Radishcheva, 33
E-mail: argunovoleg-poet@mail.ru

References

1. *Gosudarstvennyi arkhiv Kurskoi oblasti* [State Archives of the Kursk Region] (GAKO). F. R-3168. Op. 5. D. 154.
2. GAKO. F. R-3168. Op. 5. D. 155.
3. GAKO. F. R-3272. Op. 2. D. 24.
4. GAKO. F. R-3272. Op. 2. D. 112.
5. GAKO. F. R-3322. Op. 10. D. 66.
6. GAKO. F. R-3322. Op. 10. D. 71.
7. GAKO. F. R-3322. Op. 10. D. 72.
8. GAKO. F. R-3322. Op. 10. D. 75.
9. GAKO. F. R-3322. Op. 10. D. 94.
10. GAKO. F. R-3322. Op. 10. D. 110.
11. GAKO. F. R-3322. Op. 26. D. 60.
12. GAKO. F. R-3322. Op. 30. D. 35.
13. GAKO. F. R-3322. Op. 30. D. 77.
14. GAKO. F. R-3322. Op. 30. D. 252.
15. GAKO. F. R-3322. Op. 30. D. 280.
16. GAKO. F. R-3322. Op. 30. D. 417.
17. GAKO. F. R-3605. Op. 1. D. 4.
18. GAKO. F. R-3605. Op. 1. D. 36.
19. GAKO. F. R-4821. Op. 1. D. 3.
20. GAKO. F. R-4821. Op. 1. D. 6.
21. GAKO. F. R-4821. Op. 1. D. 8.
22. GAKO. F. R-4821. Op. 1. D. 17.
23. GAKO. F. R-4821. Op. 1. D. 18.
24. GAKO. F. R-4821. Op. 1. D. 26.
25. GAKO. F. R-4821. Op. 1. D. 33.
26. GAKO. F. R-4821. Op. 1. D. 34.
27. GAKO. F. R-4821. Op. 1. D. 64.
28. GAKO. F. R-4821. Op. 1. D. 72.
29. GAKO. F. R-4821. Op. 1. D. 74.

30. GAKO. F. R-4821. Op. 1. D. 80.
31. *Gosudarstvennyi arkhiv obshchestvenno-politicheskoi istorii Kurskoi oblasti* [State Archives of Social and Political History of the Kursk Region] (GAOPIKO). F. P-1. Op. 2. D. 268.
32. GAOPIKO. F. P-1. Op. 2. D. 423.
33. GAOPIKO. F. P-1. Op. 2. D. 579.
34. Nad'kin T. D. *Agrarnaya politika Sovetskogo gosudarstva i krest'yanstvo v kontse 1920-kh — nachale 1950-kh gg.: po materialam Mordovii: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [The agrarian policy of the Soviet state and the peasantry in late 1920s and early 1950s: on the basis of the materials of Mordovia. Abstr. Dr. Dis.]. Saransk, 2007. 46 p. (In Russian)
35. Podrezova T. A. *Razvitie sel'skogo khozyaistva i promyshlennosti Stavropol'skogo kraya v pervye poslevoennye gody: 1945—1953 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The development of agriculture and industry in the Stavropol Territory in the first post-war years: 1945—1953. Abstr. Cand. Dis.]. Stavropol', 2010. 25 p. (In Russian)
36. *Resheniya partii i pravitel'stva po khozyaistvennym voprosam: v 5 t. 1917—1967 gg.: sb. dokumentov za 50 let* [Decisions of the party and government on economic issues: in 5 volumes of 1917—1967: Collection Documents over 50 years]. Vol. 3. Moscow, Politizdat Publ., 1968. 751 p. (In Russian)
37. Torubarov Yu. S. *Nalogooblozhenie naseleniya sovetskoi derevni v 1945—1953 gg. (na materialakh Kurskoi oblasti): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Taxes imposed on the population of the Soviet village in 1945—1953. (On the materials of the Kursk region). Abstr. Cand. Dis.]. Kursk, 2012. 25 p. (In Russian)
38. Khisamutdinova R. R. *Agrarnaya politika Sovetskogo gosudarstva i ee osushchestvlenie na Urale: 1940 — mart 1953 g.: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [The agrarian policy of the Soviet state and its implementation in the Urals: 1940 — March 1953. Abstr. Dr. Dis.]. Orenburg, 2004. 58 s. (In Russian)
39. Khisamutdinova R. R. *Agrarnaya politika Sovetskogo gosudarstva na Urale posle okonchaniya Velikoi Otechestvennoi voyny (iyun' 1945 — mart 1953 g.)* [The agrarian policy of the Soviet state in the Urals after the end of the Great Patriotic War (June 1945 — March 1953)]. Orenburg, OGPU Publ., 2003. 608 p. (In Russian)